

АНАТОЛИЙ АРАМИСОВ

ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ
МИЛЕДИ

Анатолий Арамисов

Парижские тайны миледи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24861707
ISBN 9785448544422*

Аннотация

Вы можете побродить по утреннему Парижу вместе со знаменитой миледи из «Трех мушкетеров» Дюма, узнать кое-что из истории французского замка Каркассон, пообщаться с сюрреалистом Сальвадором Дали и узнать секреты его мастерства, увидеть историю жизни и смерти австрийской принцессы Сиси, а также исследовать две австрийских крепости, когда-то вставшие на пути Наполеона.

Содержание

Предисловие	5
Парижские тайны миледи	7
Графиня Карлейл, она же леди Винтер, она же миледи	15
Памятник писателю Александру Дюма и Д'Артаньяну	33
Дом, в котором жил Д'Артаньян	37
Дом, в котором жил Атос	40
Место, где погиб Атос	45
Дом Арамиса	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Парижские тайны миледи

Анатолий Арамисов

© Анатолий Арамисов, 2017

ISBN 978-5-4485-4442-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я довольно много путешествовал по миру и всегда старался записать свои впечатления о поездках, вместе с многочисленными фотографиями. Некоторые из них, изложенные полностью или частично в литературной форме, я привожу в этой книге.

Буду рад, если вам понравится бродить по утреннему Парижу вместе со знаменитой миледи из «Трех мушкетеров» Дюма, узнать кое-что из истории французского замка Каркассон, пообщаться со знаменитым сюрреалистом Сальвадором Дали и узнать секреты его мастерства, увидеть историю жизни и смерти австрийской принцессы Сиси, а также исследовать две австрийских крепости, когда-то вставшие на пути Наполеона.

Надеюсь, уважаемый читатель, что знания, приобретенные вами в процессе чтения, пригодятся в ваших будущих поездках по этим местам Франции, Австрии и Испании.

Ваш Анатолий Арамисов.

Парижские тайны миледи

Мистический рассказ

Я уже почти засыпал, как в дверь моего одноместного номера тихо постучали.

– Кто там? – недовольно пробормотал я, приподнявшись с высокой подушки. За окном над крышами домов еще слабо светило июньское солнце, был слышен характерный шелест автомобильных шин по брусчатке, и не смолкал разноязыкий гомон туристов со всего света.

– Месье... – секундное замешательство, потом шорох бумаги, и приятный женский голос ужасающим образом исковеркал мою фамилию. – Месье Туравлофф? Вы заказывали книгу из русского бутика...

– Какую книгу? – я никак не мог выйти из сонного забытья, поэтому ответил на родном языке.

За дверью повисло недоуменное молчание. Я встряхнул головой и, наконец, сообразил, о чем идет речь.

– Ах, да, неужели вы её все-таки нашли? Пardon, мадмуазель! Минутку! – выкрикнул я.

Спрыгнув с постели, натянул шорты, футболку и повернул ключ в замочной скважине.

Дверь отворилась.

На пороге стояла молодая француженка – служащая трехзвездочного отеля Элизе Серамик (Elisees Ceramic), что находится на *avenue de Wagram*, 34, в двух шагах от Елисейских полей. В этом старинной гостинице я жил последнюю неделю, и сразу заметил приятную сотрудницу с пышными каштановыми волосами, что провожала и встречала меня очаровательной улыбкой, когда я утром уходил по своим делам, а вечером возвращался, обычно усталый, но довольный...

В руках, поднятых на уровень пояса, она держала толстую книгу.

– Пардон, мадмуазель! Мерси! Мерси боку! – заулыбался я, увидев на красивой обложке знакомые с детства названия: Александр Дюма «Три мушкетера», «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон».

Два дня назад я попросил служащую (её звали Луиза) найти эту книгу в каком-нибудь русском магазине Парижа; я краем уха слышал, что такой магазин существует, но не имел понятия – где.

И вот, к моему вящему удовольствию и некоторому удивлению, Луиза быстро выполнила эту просьбу.

– Я купила это на *rue de la Montagne Sainte Geneviève*, 11. С вас тридцать три евро... – по-французски прощбетала де-

вушка и улыбнулась. Я отсчитал деньги, еще раз поблагодарил Луизу и захлопнул дверь номера.

Сон как рукой сняло.

Я не просто так заказал произведения папаши Дюма. Каждый день, с того самого момента, когда я вселился в номер отеля «Элизе Серамик», я странным образом стал все больше и больше думать о тех временах в истории Франции, когда на улицах звенели шпаги мушкетеров, раздавался цокот лошадиных копыт, а в лабиринтах Лувра плелись интриги и заговоры.

Ночью, в снах, мелькали обрывки странных видений, какие-то расплывчатые лица людей, одетых в красивые костюмы эпохи Людовика Тринадцатого; они непонятным образом перемешивались с толпами современных гуляк-туристов, и я, просыпаясь рано утром, недоумевал, – почему впервые за год пребывания во Франции мне снится эта белиберда? Я бывал в Париже по работе наездами, на неделю, две, потом улетал в Москву, и спустя примерно месяц – снова должен был возвращаться сюда.

Через три дня я решил – это неспроста! Во мне, наверное, проснулась мальчишеская любовь к фильму «Три мушкетера», который я смотрел с добрый десяток раз; и теперь душа требует ознакомления с местами боевой славы легендарной четверки: Д» Артаньяна, Атоса, Портоса и Арамиса!

Я лег на кровать, включил настольную лампу и принялся за чтение первого романа Александра Дюма. В руке держал карандаш, которым делал пометки на полях книги. Несколько раз я счастливо вскрикивал:

– Так на этой улице я был в прошедшем месяце! И прошел, даже не обратив внимания...

Потом поймал себя на том, что уже начинаю вслух комментировать перипетии великолепной четверки, припоминая образы актеров той замечательной ленты режиссера Бернара Бордери:

– Так, так... Надо же, какая стерва была эта Винтер! Эх, молодец гасконец, замечательно! А Портос-то, Портос! Вот умора!! Крутые ребята, эх...

Я жадно проглотил первый роман Дюма и принялся за второй, не обращая внимания на поздний час. Но постепенно усталость взяла вверх, я чувствовал, как слипаются веки, накатывается приятное умиротворение, ощущение того факта, что ушедший день проведен интересно, насыщено, а не в праздной пустоте...

Машинально пробегая глазами строки, я уже переставал понимать их смысл, возвращался назад, вновь перечитывая текст; потом, с трудом дотянувшись до кнопки лампы у изголовья, выключил свет, тут же провалившись в сонное небытие....

Мне показалось, что не прошло и минуты, как дверь моего номера тихо заскрипела, послушался звук проворачивания ключа в замочной скважине, и... она вошла.

– Луиза... ты? – внутренне сладко вздрогнув, пробормотал я. Я чувствовал, что нравлюсь этой француженке, но чтобы до такой степени...

«Интересно, я же оставил свой ключ в двери. Как она открыла?» – эта догадка-вопрос заставила меня вздрогнуть и приподнять голову.

Увиденное в первую секунду повергло меня в ужас. Передо мной как будто висела в воздухе, выставив изящную полуобнаженную ногу, не рыжеволосая Луиза, а красивая женщина лет тридцати, блондинка. Ее лицо показалось мне очень знакомым, я силился вспомнить – где видел её, и не мог!

Мурашки веером рассыпались по моему телу. В комнате было безветренно, а у женщины почему-то кудри развевались так, словно она стояла на берегу моря в сильный шторм.

– Вы кто? – спросил я и не узнал собственного голоса. – Как вы сюда зашли? Это моя комната! Вы наверняка ошиблись номером!

Она заговорила, и её голос заставил меня сильно вздрогнуть.

– Это не твоя, а моя комната! Я здесь жила столько лет... Здесь, в этом доме. И спала именно на этом месте!

«Наверное, сумасшедшая. Надо вызвать портье...»

– Не надо никого вызывать, Анатоль! – в её глазах мельк-

нула усмешка. — Коль ты сегодня не раз произносил мое имя в этой комнате, вспоминал меня, и всегда — плохо! Вот я и решила рассказать всю правду о себе... Не бойся, будь мужчиной, я не сделаю ничего дурного!

— Я и не боюсь... — прошептал я, хотя чувствовал, что вот вот, и меня начнет бить озноб. — Ты кто? — еще раз переспросил я, не веря внезапной, молнией вспыхнувшей догадке.

— Неужели не узнаешь? Меня так хорошо описал этот толстый борзописец по имени Александр Дюма! Ну, вспомни, у тебя же книга открыта на этой странице...

Я перевел взгляд на пухлый том и не поверил своим глазам. Я готов был поклясться, чем угодно, что оставил книгу открытой где-то на середине романа «Двадцать лет спустя». Теперь же листы, как будто перевернувшись с помощью этого невидимого ветра, что развеивал светлые кудри незнакомки, остановились на странице, где было написано:

«...Его собеседница, голова которой виднелась в рамке окна кареты, была молодая женщина лет двадцати — двадцати двух. Мы уже упоминали о том, с какой быстротой Д'Артаньян схватывал все особенности человеческого лица. Он увидел, что дама была молода и красива. И эта красота тем сильнее поразила его, что она была совершенно необычна для Южной Франции, где Д'Артаньян жил до сих пор. Это была бледная белокурая женщина с длинными локона-

ми, спускавшимися до самых плеч, с голубыми томными глазами, с розовыми губками и белыми, словно алебастр, руками. Она о чем-то оживленно беседовала с незнакомцем.»

Я с лихорадочной быстротой пробежал глазами по этим строчкам, пытаясь что-то сообразить, но разум оказывался подчиняться.

– Ну? – усмехнулась незнакомка. – Теперь ты меня узнал?

И предстала совсем отчетливо, зримо, пугающе близко, чуть склонив голову и насмешливо улыбаясь.

Графиня Карлейл, она же леди Винтер, она же миледи

Мои руки лихорадочно шарили по тумбочке в поисках какого-нибудь предмета, отдаленно напоминавшего оружие; я почему-то думал, что эта зловеще красивая женщина при-

шла сюда с явно недобрыми намерениями. Наконец, моя левая кисть нащупала увесистый томик Дюма, и в следующую секунду я что было силы запустил им в незваную гостью.

Книга с огромной скоростью пролетела сквозь белую шею незнакомки и с грохотом ударилась о приоткрытую дверь моего номера.

Ответом был заливистый смех красавицы блондинки.

Он словно заставил меня очнуться. Я резко вскочил с постели, выпрямился и посмотрел женщине прямо в глаза.

– Вы та самая... леди Винтер? То есть – миледи??

– Ну, наконец-то... – ровные белые зубы красавицы обнажились в насмешливой улыбке. – Вы стали соображать, месье...

Я лихорадочно натягивал брюки, путаясь ногой в штанине.

– Но ты же просто литературный персонаж! И вообще – давно мертва, если принимать во внимание...

– Ничего никогда не принимайте на веру, месье Анатоль! – жестко ответила миледи, и её глаза сузились. – В мире имеется столько всего необъяснимого, что вы даже себе не представляете!

– Ты привидение? – наконец-то я надел брюки и, сорвав со спинки стула рубашку, водрузил ее на свое тело швами наружу.

– Можешь считать меня кем угодно. И в каждом твоём определении будут и доля правды, и доля лжи. Не бывает вечной, непреложной истины! Но все же я хочу немного раскрыть твои подслеповатые глаза, мне сегодня ночью было нестерпимо больно слышать сплошную ложь, которую ты цитировал вслух, читая эту идиотскую книгу!

– Ложь? – ошеломленно переспросил я. – Почему?

– Не знаю! – отрезала миледи. – Каждый писатель переиначивает исторические события по-своему, в зависимости от своих вкусов и пристрастий. Меня в этом романе сделали сущим исчадием ада, самой черной женщиной, какую себе только можно представить!

– И ты знаешь, что потом написал о тебе Дюма? Но тебя, если ты реально существовала, уже давно не было в живых! – продолжал я недоумевать.

– Еще раз повторяю – забудь слова мертвый или живой! – в больший глазах незнакомки мелькнули ледяные искорки. – Я знаю эти романы дословно... каждое предложение... каждое слово... каждую букву. Они доставляли мне столько боли... столько веков... и особенно сегодня, когда в доме, где когда-то моя душа вышла из моего тела, ты восхищался этими негодяями и поносил меня, совсем незаслуженно! Мне мучительно больно было слышать каждое твое слово! И я решила перейти Грань... Не буду объяснять тебе, что это такое – все равно сейчас не поймешь!

– Почему? – шепотом спросил я.

– Это необъяснимо для твоего сознания, потом ты узнаешь, почувствуешь это, когда... Впрочем, не буду отвлекаться от главного. Ты должен узнать истину о тех событиях и людях, – я так решила! Поэтому – ты сегодня пойдешь со мной по ночному, нет... (она взглянула в окно, где уже занимался рассвет) ... утреннему Парижу, и я покажу тебе кое-что. И расскажу при этом свою правду... Всё – идем!

Она решительно протянула мне свою правую руку.

Только тут я рассмотрел незваную гостью. На ней была черная блузка со шнурочками, темная юбка, не обтягивающая тело, но довольно короткая, я бы даже сказал – современная. На ногах были изящные черные сапожки с высокими тонкими каблучками, золотые украшения были разбросаны по всему телу, цепочка с крестиком, браслеты, серьги, кольца на длинных тонких пальцах.

Я машинально взял ее за кисть и тут же отпрянул – она была не холодная как лед, о чем пишется в рассказах о привидениях, а горячая и мягкая, как словно нагретый на солнце песок.

– Нет, ты явно не гвардеец! И даже не мушкетер! – короткий смешок миледи заставил меня покраснеть. – Шархаешься от меня, словно какой-то воришка, укравший пару селенок в торговом ряду! До чего измельчали мужчины за последние три века!

Я разозлился на себя.

«Если она не задушила или не заколола кинжалом меня во сне, что теперь мне бояться?! Просто... это какое-то сумасшествие... Может, все-таки вызвать... нет, это позорная мысль, возьми себя в руки!! И вообще... она... она очень даже... такая женщина... и почему я? Но она объяснила, что жила именно в этой комнате... это немыслимо, это фантастика!»

Я решительно сделал шаг вперед и, закусив губу, взял её руку в свою ладонь.

Она улыбнулась.

– Вот так-то лучше. Идем! Только рубашку свою надень правильно!

Лишь сейчас я увидел, что пуговицы обращены внутрь. Я быстро переоделся, миледи при этом деликатно отвернулась; в следующую секунду стены моего номера стали стремительно исчезать, словно растворяясь в тумане. Я увидел, как лежащая возле двери книга стала с треском рассыпаться на множество отдельных листов, подул ветер, и они поднялись вверх, стали кружиться над моей головой, словно одуванчики, переворачиваясь и порхая, но упорно держась в воздухе. Я почувствовал, как начинаю падать куда-то впе-

ред и вверх, рука миледи крепче сжала мою ладонь и мы, словно с помощью какого-то странного летательного аппарата переместились на несколько километров.

Я вначале зажмурил глаза, а когда открыл их, то стоял перед красивым домом в знакомом уголке Парижа. На фасаде висела табличка:

Place des Vosges, 6.

Дом, где жила миледи.

Узнаёшь? – с улыбкой спросила блондинка, когда я немного пришел в себя.

– Да... Это Вогезская площадь... дом 6.

Неизвестно откуда у меня в руках оказался листок из книги. Я опустил глаза на текст:

Прощаясь с Д'Артаньяном, лорд Винтер сообщил ему адрес своей сестры; она жила на Королевской площади, в модном для того времени квартале, в доме N 6. Впрочем, он вызвался зайти за ним, чтобы самому представить молодого человека. Д'Артаньян назначил ему свидание в восемь часов у Атоса. Предстоящий визит к миледи сильно волновал ум нашего гасконца.

– Да, вот именно в этом доме прошли лучшие годы моей жизни... – с грустной улыбкой тихо произнесла миледи. – Здесь я любила и ненавидела, меня любили мужчины... И какие мужчины! – с болью выдохнула миледи и задумалась.

Я молча смотрел на высокие окна этого красивого здания, мысленно гадая, из каких именно смотрела миледи когда-то на Королевскую площадь. Спутница словно угадала мои мысли:

– Мне принадлежала вся эта часть дома, все три этажа. Я получила ее по приказу Ришелье. И только после его смерти вынуждена была съехать в те тесные комнаты, где ты живешь последнюю неделю. А здесь мне было хорошо...

Она повернула голову вправо. Я проследил за ее взглядом и увидел в центре площади Вагезов известную статую Людовика Тринадцатого, восседавшего на коне.

Миледи чуть скривила губы:

– Король наш был слаб духом, скуп, как ростовщик, и слишком любил, когда ему безбожно льстили. Он боялся кардинала, тайно ненавидел его, но понимал, что без Ришелье страна может скатиться в яму анархии и раздоров между знатью.

В руках миледи неизвестно откуда появился лист из моего тома Дюма, и она зачитала отрывок:

«Король сидел в кресле, похлопывая рукояткой бича по ботфортам. Де Тревиль, не смущаясь, спокойно осведомился о состоянии его здоровья.»

– Плохо, сударь, я чувствую себя плохо, – ответил король. – Мне скучно.

Это действительно была одна из самых тяжелых болезней Людовика XIII.

Случалось, он уводил кого-нибудь из своих приближенных к окну и говорил ему:

«Скучно, сударь! Давайте поскучаем вместе».

– Как! – воскликнул де Тревиль. – Ваше величество скучаете? Разве ваше величество не наслаждались сегодня охотой?

– Удовольствие, нечего сказать! – пробурчал король. – Все вырождается, клянусь жизнью! Не знаю уж, дичь ли не оставляет больше следов, собаки ли потеряли чутье. Мы травим матерого оленя, шесть часов преследуем его, и, когда мы почти загнали его, и Сен-Симон уже подносит к губам рог, чтобы протрубить победу, вдруг свора срывается в сторону и бросается за каким-то одногодком. Вот увидите, мне придется отказаться от травли, как я отказался от соколиной охоты. Ах, господин де Тревиль, я несчастный король! У меня оставался всего один крик, и тот третьего дня околел»...

– Вот здесь ваш Дюма не лжет! В этом – весь Людовик. Охота, развлечения, ложный флирт с придворными дамами. Но Дюма очень многое скрыл в романе, пригладил образ короля.

– Пригладил? И так вроде он выглядит не в самом блестящем свете... – улыбнулся я.

Миледи рассмеялась:

– Король потерпел фиаско в первую брачную ночь с Анной Австрийской и не притрагивался к ней целых два года. Он предпочитал балы, танцы, а также увлекся искусством браздобрея, и постоянно делал эксперименты на придворных и мушкетерах. Выстригал им тоненькие бородки на лице... и (миледи сделала паузу, пытливо взглянув мне в глаза) ... – и не только на лице.

Я молчал, потрясенный.

– И это... нет, пожалуй, не всё... – миледи иронично усмехнулась. – Наш дорогой король по прозвищу Справедливый был в детстве садистом, за что его однажды выпорол отец – Генрих Четвертый. В нем сочеталась болезненная набожность и... любовь к молодым мужчинам.

Я удивленно вытаращил глаза. Передо мной в воздухе как будто завис неосязаемый портрет короля.

– Да, да, не удивляйся... – улыбнулась миледи. – Именно так и было. Писатель Дюма мог бы закрутить сюжет намного поинтереснее, опиши он интригу его любовника – маркиза де Сен-Мара, который предлагал убить кардинала Ришелье. На что король боязливо заметил: «Что ж, он священник и кардинал, – меня отлучат от церкви...» Тогда Сен-Мар самостоятельно пытался организовать покушение на кардинала, но был разоблачен и казнен на эшафоте.

Всеми государственными задачами занимался Ришелье! А ему постоянно и намеренно мешали! В том числе и ваши герои – мушкетеры, выполняя приказы своего капитана де Тревиля. Но об этом я расскажу попозже...

Миледи замолчала и задумалась. Потом медленно пошла к центру Вагезской площади. Улыбнулась.

– Да, здесь так же красиво, как и много лет назад. Недаром сюда селились самые богатые люди Парижа.

Миледи снова повернула голову к своему бывшему дому и тихо проговорила:

– Надо же, сохранили даже цвет стен, что редко можно увидеть в теперешнем Париже... Дюма написал поразительную чушь про события в этом месте.

– Да? – удивился я. – О том, как вас обманывал Д'Артаньян, присылая записки от несуществующего графа де Варда?

– Вот именно! Якобы я поддалась чарам любовных письменных признаний графа, и на свидании не разобрала, что это был нахальный гасконец! Ложь! Этот наглец пытался ухаживать за мною, но быстро понял, что ему не улыбнется

удача. Поэтому сразу переключился на мою глупую служанку Кэтти и совратил её прямо в соседней с моей комнатой! Я все прекрасно слышала, поэтому, когда гасконец явился в следующий раз – ему было указано на дверь! Именно с этой минуты он возненавидел меня!

– А разве не за то, что вы, если верить страницам романа, убили его любимую – госпожу Бонасье? – осторожно спросил я.

Миледи весело рассмеялась:

– Снова ложь! Я никогда не убивала ту непутевую жену галантерейщика! Половина Парижа знала, что у месье Бонасье выросли рога выше крыши Лувра! Мадам Бонасье была отравлена по приказу кардинала Мазарини, так как путалась все время под ногами, отвлекая Д'Артаньяна от выполнения его многочисленных поручений, и слишком много стала знать об этом пройдохе-итальяшке!

– А вы родились где-то рядом? – спросил я миледи, чтобы перевести разговор на другую тему.

Она прищурила глаза, окинув меня многозначительным взглядом:

– Тебе тяжело расставаться с иллюзиями, посеянными в твоей душе этим жирным борзописцем? Понимаю. Вы, современные люди, привыкли верить написанному... Ну что ж, это далеко не вся правда. Мы еще много увидим примечательных мест, описанных в романе, и ты услышишь много нового. А родилась я не здесь. Пойдем, покажу!

С этими словами она снова приникла горячей кистью к моей ладони, и мы быстро переместились в район Монт-мартра, на **улицу Лепик** (rue Lepic).

– Вот здесь моя мать, графиня Перси, родила меня, в этом небольшом домике. Отец был английским послом в Париже. Мое настоящее имя – **Люси Карлейль**.

– Вот как? Ну что ж, мне очень приятно... – в моей душе росло смущение, точнее сказать – смятение. Оно увеличивалось с каждой минутой, поднималось, словно океанские волны под усиливающимся ветром.

Я бросил быстрый взгляд на миледи и к удивлению, заметил, что ее голубые глаза подернула влажная дымка. Бы-

ла видно, что она с трепетом и каким-то нежным благоговением вспоминает сейчас о своих родителях, своем детстве. Как это сильно разнилось с тем портретом холодной убийцы в юбке, что нарисовал нам Дюма.

Миледи снова прочла мои мысли:

– Да, я совсем другая, нежели ты представлял меня. Здесь недалеко находится памятник этому чудовищу, что навеки запятнал мое имя грязью. Идем!

Мы вышли на бульвар Клиши, миновали площадь с одноименным названием, потом проскользнули по boulevard Batignolles к **площади Мальзерб** (Malesherbes).

Рядом с метро высился красивый памятник. На вершине восседал знаменитый писатель, застывший в ироничной улыбке, внизу с одной стороны расположились читатели, приникшие к книгам Дюма, а с другой – его главный любимец – месье шевалье Д'Артаньян.

Памятник писателю Александру Дюма и Д'Артаньяну

На лице миледи играла насмешливая улыбка

– Вот он, Шарль де Батц Кастельморо Д'Артаньян, что приехал в Париж на старой кляче из гасконской деревушки Люпиак и стал вскоре главным головорезом Де Тревиля. Он был нагл до умопомрачения! Я бы не сказала, что очень красив, здесь скульптор идеализировал этот персонаж. У него были очень длинные руки, непропорционально длинные, и за счет этого гасконец одержал немало побед в схватках на шпагах. Он превратился по сути в наемного убийцу, пешку в руках сильных мира сего. Отвязанный малый, любитель выпить и поволочиться за женщинами (в основном – замужними!), чрезвычайно самолюбивый, тщеславный, испытывающий большую тягу к воинским наградам и почестям...

Миледи сделала паузу, внимательно вглядываясь в лицо своего литературного врага.

– Я к нему никогда не испытывала ненависти... Просто некоторую брезгливость после его наглой попытки овладеть моим телом уже во время второго свидания на Place des Vosges, 6. А он после этого возненавидел меня...

– Но Дюма все написал по-другому... – осторожно произнес я.

– Ха-ха-ха! По-другому! Конечно! В эту пухлую голову должны были прийти мысли о том, что кого-нибудь в романе надо назначить исчадием ада! Ибо читатели не поймут причин славных подвигов мушкетеров короля!

Она еще раз окинула ироничным взглядом верх памятника и застывшие изваяния, что склонились над книгой.

– А где жил Д'Артаньян? – поинтересовался я.

– Прочти у своего Дюма, – усмехнулась Люси.

Дом, в котором жил Д'Артаньян

«Как устроился Д'Артаньян, нам уже известно... Эта комната представляла собой подобие мансарды и находилась на улице Могильщиков, вблизи Люксембурга».

– Сейчас улица Могильщиков называется **Сервандони (rue Servandoni)**, – пояснила миледи. – Он снял комнатку у галантерейщика Бонасье.

– Тот по неосторожности предоставил ему возможность ухаживать за своей женой, за что впоследствии поплатился ветвистыми рогами? – полу утвердительно спросил я.

Миледи рассмеялась и взяла меня за руку:

– Да! Идем – я покажу тебе это место! Там, кстати, рядом жили все его друзья – Атос, Портос и Арамис. Недалеко от Люксембургского дворца и сада, где постоянно дрались на дуэлях. Ты увидишь эти улицы.

Здесь миледи остановилась. Бросила взгляд влево и указала на окна.

Дом номер одиннадцать явно перестраивался несколько раз, был о пяти этажах, а не двух, как описывал Дюма.

– Вон там раньше находилась мансарда того старого, снесенного дома. Где-то на уровне верха второго этажа, прямо над парадным входом. Где стоит мотороллер. Примерно оттуда выпрыгивал на мостовую ваш Шарль де Батц Кастель-моро Д'Артаньян.

– Теперь посмотрим, где жил господин Атос, мой бывший муж – усмехнулась миледи. – Его настоящее имя было **Арман де Силлек Атос Д'Отевилль**.

Дом, в котором жил Атос

«Атос жил на *улице Феру (rue Ferou)*, в двух шагах от Люксембурга. Он занимал две небольшие комнаты, опрятно убранные, которые ему сдавала хозяйка дома, еще не старая и еще очень красивая, напрасно обращавшая на него нежные взоры» ... – быстро прочел я на очередной странице романа.

– Да, это здесь... – тихо проговорила Люси.

Где-то в середине улицы миледи остановилась, повернулась влево и посмотрела на окна. Я видел, что её взгляд устремлен к верхнему этажу.

– Да, вон из тех окон он часто любил по утрам смотреть на прохожих...

Она поймала мой любопытствующий взгляд.

– Ты хочешь, чтобы я рассказала тебе правду об Атосе?

Я кивнул.

– Хорошо, слушай... Атос действительно отличался философским складом ума, хладнокровием, рассудительностью и никогда не лез на рожон, как это делали Д'Артаньян и Портос. Он был графом, дальним родственником командира королевских мушкетеров капитана де Тревиля.

– И вашим мужем? – нетерпеливо спросил я.

– Да. Но не очень долго. Он не смог мне простить...

– Что именно?

– Он узнал, что наш сын, которого считал своим, на самом

деле – не его...

Миледи замолчала, опустила голову, предаваясь воспоминаниям.

Туманная утренняя дымка окутала Париж. По улицам сновали редкие прохожие, не обращавшие никакого внимания на нас. Люси вела меня в направлении известной церкви Сен Сюльпис. Перед самым выходом на площадь, с которого открывался вид на собор, миледи остановилась.

– Мы расстались. Хотя, наверное, все же любил меня еще долго...

– Но Дюма написал, что именно он был инициатором вашей казни?

– Неправда. Однажды он даже спас меня...

– Вот как?

– Именно. Он бы никогда в жизни не признался в том, что иногда, ранним утром, приходил на площадь Вагезов и в задумчивости прохаживался в сотне шагов от моего дома... точнее – от нашего дома. Я видела это несколько раз. И вот однажды, когда я возвращалась в Париж из Лондона, он спас мне жизнь...

Я вопросительно взглянул на миледи. Она продолжала, неспешным шагом направляясь к большому собору:

– На меня покушались. Едва я вышла из кареты, как увидела, что ко мне быстро приближается какой-то человек. На ходу он обнажил шпагу. Но здесь Провидение пришло

мне на помощь!

Миледи остановилась, взволнованная. Ее дыхание участилось, грудь поднималась и опускалась, она ослабила шнурки на черной блузке, потом Люси закрыла глаза, подняла правую руку, прижала ладонь к лицу и резко бросила её вниз, словно отгоняя страшные воспоминания.

– Неожиданно я увидела своего бывшего мужа. Он мчался на помощь, выкрикивая какие-то слова. Они скрестили шпаги буквально в метре от меня. Атос дрался как лев! Он убил этого человека спустя три минуты после начала схватки. Я не поверила своим глазам, когда увидела мертвое лицо моего несостоявшегося убийцы!

– И кто он был? – взволнованно спросил я.

– Один из лучших дуэлянтов Франции – Монсель. Любимчик де Тревиля. Тот самый, что двумя месяцами раньше ранил Атоса на дуэли. После этого мой бывший муж впал в немилость капитана до конца своей жизни. И, как я догадываюсь, не только де Тревиль заимел на него зуб, а гораздо более известная персона...

– Почему вас хотели убить?

– Об этом позже... И вообще – называй меня на «ты»... – во взгляде Люси на мгновение мелькнула таинственная искорка, но тут же погасла, когда она повернула голову вправо.

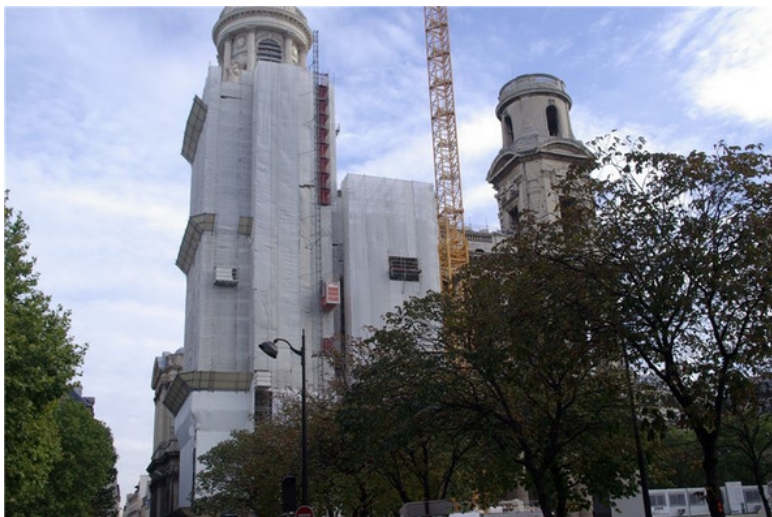
– А вот здесь (миледи показала на маленький зеленый парк рядом с церковью), Атос погиб.

Место, где погиб Атос

На дуэли?

– Нет, он погиб, защищая Д'Артаньяна. Когда на него напали семеро наемных убийц. Атос услышал из окна своей комнаты его крики, звон скреещающихся шпаг, и тотчас примчался на помощь. Они сражались вдвоем и убили всех семерых! Но мой бывший муж получил в этой схватке смертельное ранение... Его похоронили 22 декабря 1643 года, рядом с местом гибели, на кладбище церкви Сен-Сюльпис.

Миледи подвела меня к знаменитому собору, мы вошли внутрь, повернули вправо, сделали несколько шагов, и она указала на красивое каменное надгробие:

– Вот здесь, за этой стеной, лежит Арман де Силлек Атос Д'Отевилль...

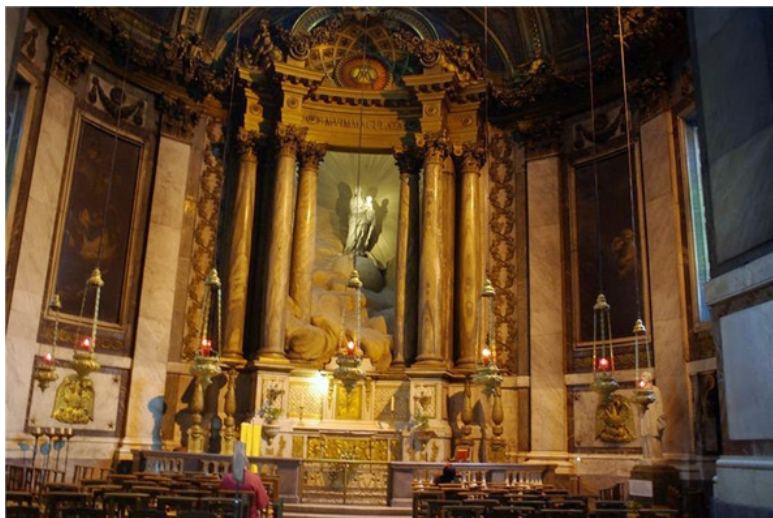
Я молча смотрел на надгробие, воображение рисовало сцену последней схватки знаменитого по роману Дюма графа де ля Фера. Залитый кровью голубой мушкетерский плащ с четырьмя крестами, хриплые стоны поверженных врагов, глубокая кровоточащая рана, бледное лицо умирающего Атоса...

– Я зайду внутрь... – полувопросительно – полу утвердительно прошептал я, поняв, что надо оставить миледи одну возле могилы бывшего мужа.

Она кивнула.

В церкви Святого Сьюльписа в этот ранний час было мало людей. Я прошел мимо рядов многочисленных стульев, и остановился в центре собора, увидев двух человек, молящихся перед статуей Девы Марии с младенцем на руках. Чуть слышно звучал орган, красивая, величественная музыка, казалось бы, эхом скатывалась откуда-то сверху, из всех уголков великолепного Храма.

Внутри было удивительно красиво.

Вдруг произошло необъяснимое. Я вздрогнул и сделал шаг назад. Мне показалось, что воздух внутри церкви вне-

запно приобрел цветные оттенки, сконцентрировался, и я отчетливо увидел большую фигуру мушкетера. Она висела в воздухе ко мне спиной, лицо призрака было обращено к статуе Девы Марии.

Звуки органа стали громче.

И тут же призрак стал приобретать более отчетливые формы. Я разглядел, что на левом плече фигуры лежал мушкет, справа внизу отчетливо виднелось острое шпаги. Я физически ощутил, как кровь отхлынула от моего лица, резко повернулся, чтобы бежать к выходу, и чуть не сбил с ног миледи.

На её лице играла удивительная улыбка, напоминающая счастливый взгляд проснувшегося ребенка... Люси приложила палец к губам:

– Тсс... Не бойся... Сейчас он побудет здесь, всего минуточку, и снова уйдет за Грань... – тихо прошептала она. – Я хочу посмотреть на Атоса...

Я вышел из церкви потрясенный, она – умиротворенная.

Дом Арамиса

Мы снова прошли по улице Феру, где миледи бросила взгляд на окна, за которыми когда-то жил Атос, вышли на улицу Вожирар, повернули влево и пошли вдоль нее. После пятиминутного молчания миледи произнесла:

– Сейчас я тебе покажу дом Арамиса. Вспомни, что об этом писал Дюма...

– Кажется, к нему приходила Констанция Бонасье и передала платок с инициалами К&В. То есть от графини Камиллы де Буа-Траси, верно?

– Верно... – улыбнулась миледи. – Арамис, настоящее имя которого было Анри Арамиц, отличался большой любовью к амурным похождениям. В этом отношении ему не было равных среди четверки мушкетеров. В отличие от быкоподобного Портоса, который не гнушался вымогать деньги у герцогини Кокнар, банально шантажируя ту намерениями завязать очередную интрижку, Арамис действовал куда изощреннее. Он сочинял неплохие стихи, посвящая их своим возлюбленным дамам, его речь была витиевато изысканной. Анри был хорошо воспитан, его тонкие манеры сводили с ума многих женщин. Ну вот, мы – пришли!

«Дойдя до конца переулка, Д'Артаньян свернул влево.

Дом, где жил Арамис, был расположен между улицей Кас-сет и улицей Сервандони.

В той части улицы было только три дома, и всего два окна выходило на эту улицу. Одно из них было окно небольшой пристройки, параллельной флигелю, который занимал Арамис, второе было окно самого Арамиса.

...То ли на этот сигнал было отвечено таким же сигналом, то ли, наконец, она и без посторонней помощи определила, что достигла цели, – только женщина вдруг решительно направилась к окну Арамиса и трижды с равными промежутками постучала согнутым пальцем в ставень.

– Ну конечно, она стучится к Арамису! – прошептал Д'Артаньян. – Вот оно что, господин лицемер! Знаю я теперь, как вы изучаете богословие...

... – Вы очень покладистый муж, любезный мой господин Бонасье! – сказал кардинал. – Могли бы вы узнать двери, куда она входила? – Да. – Помните ли вы номера?

– Номер двадцать пять по улице Вожирар и номер семьдесят пять по улице Лагарп...» – я прочел вслух эти строки романа и огляделся.

Мы стояли на улице **Вожирар (rue de Vaugirard)** у дома номер 25. Я смотрел на это здание, и думал, в какое же окно постучала Констанция Бонасье?

– Здесь все перестроено. Старый дом снесли, в пятнадцати метрах от места, где ты стоишь, и находилась квартирка Арамиса, слева два окна, на втором этаже, – пояснила миледи.

– Он на самом деле стал священником? – спросил я.
Люси рассмеялась.

– Ничего подобного! Читай – Дюма очень точно описал его!

«...Это был молодой человек лет двадцати двух или двадцати трех, с простодушным и несколько слащавым выра-

жением лица, с черными глазами и румянцем на щеках, покрытых, словно персик осенью, бархатистым пушком. Тонкие усы безупречно правильной линией оттеняли верхнюю губу. Казалось, он избегал опустить руки из страха, что жилы на них могут вздуться. Время от времени он пощипывал мочки ушей, чтобы сохранить их нежную окраску и прозрачность. Говорил он мало и медленно, часто кланялся, смеялся бесшумно, обнажая красивые зубы, за которыми, как и за всей своей внешностью, по-видимому, тщательно ухаживал».

– Он служил вместе с Портосом довольно долго и, выйдя в отставку, купил небольшой дом недалеко отсюда. Потомки мушкетера увековечили имя Арамиса, назвав в его честь открытый в этом доме отель. Идем, посмотришь! Это на пересечение с улицей Ренн!

Мы прошли дальше по Вожирар, миновали метро Saint Placide, и, перейдя по пешеходным зебрам улицы Notre Dame des Champs и Rennes, подошли к светлому зданию. Над входом красовалась серая материя с надписью «Aramis Saint-Germain», окна тоже были украшены полосками с именем мушкетера.

– Даже не знал, что в Париже существует этот отель... – улыбнулся я. – В следующий раз обязательно поселюсь сюда, хотя бы на пару дней. Хочу заглянуть внутрь на минуту.

– Загляни... – улыбнулась миледи.

– А там уютно, мило... В следующий раз поселюсь здесь на ночку, может ко мне еще кто заявится... – пошутил я, выйдя на улицу.

Миледи рассмеялась и ничего не сказала.

– Скажи, Люси, Арамис тоже погиб на дуэли?

– Нет, он умер естественной смертью, как и его друг Портос... – быстро ответила графиня. – Кстати, мы приближаемся к дому, где жил этот бесшабашный дуэлянт. Помнишь его знаменитое высказывание: «А я дерусь просто потому, что – дерусь!»

– Помню... – кивнул я с улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.